

Государственная идентичность и пространственное развитие России: опыт столетия, или уроки русских революций

Л.Б. ВАРДОМСКИЙ, доктор экономических наук, Институт экономики РАН, Москва. E-mail: wardom@yandex.ru

В развитии любого государства важную роль играет идентичность, или представление элит и населения о себе и своем месте в мировом сообществе. В идентичности отражаются идеи будущего развития, выработанные политическими элитами, в которых учитывается опыт прошлого, культурно-цивилизационное, социальное и экономическое своеобразие государства, специфика его истории, в частности, ход формирования и развития его территории. Выработанное самоопределение государства оказывает влияние на его развитие, в том числе пространственное. В особой мере это касается России, занимающей центральное положение в географической Евразии. С 1917 г. идентичность страны несколько раз менялась. В статье делается попытка оценить влияние этих изменений на пространственное развитие.

Ключевые слова: Россия, СССР, революция, идентичность, план, рынок, трансформация, догоняющее развитие, пространство, выравнивание, сдвиг на восток

Российская империя накануне революции

К началу Первой мировой войны Россия по объему производства занимала 3–4-е место в мире и была одним из динамичных государств. Символом экономических успехов России стало строительство в 1891–1916 гг. Транссибирской магистрали. В.М. Болотин определяет долю России в мировом ВВП по ППС в 1913 г. в 9,1% [1]. Но, будучи одним из центров полицентричной структуры мировой экономики и политики, по душевым показателям развития Российская империя сильно уступала ведущим странам.

Накануне революции 83% населения страны проживало на селе. По оценке В.И. Ленина, 80% населения России составляла сельская и городская беднота, жившая от продажи рабочей

силы и ведущая натуральное хозяйство [2]. Более половины валового продукта производилось в аграрном секторе [3].

Ярко выраженная европоцентричность размещения промышленности и ее концентрация в небольшом количестве районов – характерная черта пространственной экономики царской России. В 1912 г. 32,2% промышленной продукции производилось в Центрально-Промышленном районе, 10,5% – в Северо-Западном, 18,4% – на Украине, прежде всего, в Донецко-Приднепровском районе. Всего на европейскую часть приходилось 91,7% выпуска промышленной продукции, Урал – 4,4%, Сибирь и Дальний Восток – 2,2%, на Среднюю Азию – 1,7% [4]. Это было вполне объяснимо, поскольку экономика России развивалась в неразрывной связи с экономикой Европы, из которой она черпала новые для себя знания и технологии.

Несмотря на бурное развитие в конце XIX – начале XX вв. железнодорожного транспорта, его пропускной способности не хватало для функционирования общероссийского рынка, что в полной мере проявилось в годы Русско-японской и Первой мировой войн.

Экономические отношения между освоенной частью Европейской России и районами нового освоения на востоке и юге строились как отношения между метрополией и колониями. Специализация национальных окраин определялась интересами государства, российского и зарубежного капитала и имела в основном сырьевой характер. В то время как в метрополии концентрировались отрасли с высокой добавленной стоимостью [2].

Аграрное перенаселение Европейской России выталкивало людей в города, где шла индустриализация, и на окраины, где они теснили коренное население.

Главные идеи по поводу будущего страны были выработаны в конце XIX в. и сводились к развитию промышленности, финансово-банковской сферы, транспорта, модернизации аграрного сектора. На повестке дня стояло освоение восточных территорий путем прокладки транспортных путей и предоставления льгот переселенцам. Политика торгового протекционизма сочеталась с привлечением иностранных капитала и технологий. То есть догоняющее развитие России должно было осуществляться в результате постепенного импортозамещения в отраслях тяжелой промышленности и постепенной индустриализации российской глубинки.

Большие внешние заимствования требовали устойчивого превышения экспорта над импортом. Однако в экспорте преобладала сильно зависящая от погодных условий аграрная продукция, что создавало высокие риски для платежного баланса, который приходилось пополнять за счет новых внешних кредитов. Хроническая внешняя задолженность и технологическое отставание ограничивали реальный суверенитет России, что не мешало ставить амбициозные геополитические задачи.

Растущие внутренние противоречия, вызванные быстрым ростом капитализма при сохранении крепостнических пережитков, ослабляли внутреннюю сплоченность общества и ставили страну перед угрозой социального взрыва. В этих условиях правильнее было бы проводить более осмотрительную внешнюю политику. Однако, неверно оценив свои шансы в борьбе за колонии, Россия проиграла войну с Японией, что стало катализатором русской революции.

Уязвимость экономики Российской империи в полной мере проявилась в ходе Первой мировой войны. Поражения на фронтах и захват противником наиболее развитых западных районов усилили дезорганизацию экономики и сделали революцию неотвратимой.

Русская революция, смена идентичности и парадигмы развития

Накопленные в России противоречия в условиях войны и разобщенности российских элит позволили большевикам под лозунгами «Мир народам», «Земля крестьянам» практически бескровно захватить власть. Ее становление проходило в условиях больших территориальных потерь на западе страны, экономической разрухи, Гражданской войны и внешней политической и экономической блокады. Первыми шагами в области внешнеэкономических связей было введение монополии государства на внешнюю торговлю и непризнание долгов царского правительства.

В 1921 г. был учрежден Госплан. После «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) начался нэп (1922–1928 гг.), который позволил в значительной мере восстановить народное хозяйство и приступить к индустриализации в рамках плана ГОЭЛРО.

Но многоукладная экономика и частное предпринимательство вступали в противоречие с идеологическими установками новой

власти. Социализм, по мнению В. И. Ленина, состоял «в уничтожении товарного хозяйства» [5. С. 51]. В ходе дискуссий во властных структурах о путях развития СССР были отвергнуты как градуалистский вариант индустриализации на многоукладной основе, так и леворадикальный проект «перманентной революции», и принята политика форсированного промышленного развития, основанная на полной национализации (огосударствлении) экономики, жесткой централизации управления страной, тотальном государственном планировании производства и распределения, консолидации населения на основе классового подхода.

Плановая трансформация экономики должна была устранить социальное неравенство, преодолеть отсталость и диспропорции в экономике и пространственной структуре. Главной внешнеполитической задачей СССР стало освобождение мирового пролетариата от капиталистической эксплуатации. Построение нового общества увязывалось с формированием мировой системы социализма, в которой Россия заняла бы лидирующее положение. Новая идентичность предполагала иной путь развития, на основе социальной справедливости, что делало социализм привлекательным проектом для многих за рубежом. Но она обрекла СССР на длительное военно-политическое противостояние с развитыми капиталистическими странами и автаркию.

В основе новой экономической системы лежало представление о том, что вне рынка можно в полной мере использовать выгоды крупного машинного производства, а плановое хозяйство позволит избежать циклических колебаний капиталистической экономики, более эффективно использовать имеющиеся финансовые ресурсы, успешно развиваться в «опоре на собственные силы», подразумевая под этим, прежде всего, аграрный сектор, в котором в 1920–1930-е гг. производилась большая часть советского экспорта. Главным инструментом концентрации ограниченных ресурсов страны в промышленном секторе стали коллективизация (1927–1930 гг.) и советизация, сопровождавшиеся репрессиями в отношении зажиточных крестьян.

Смена идентичности требовала адекватного развития пространства государства. В основу формирования *Единого народнохозяйственного комплекса (ЕНХК) СССР, построенного на плановой специализации хозяйства отдельных административно-территориальных единиц*, были положены следующие

принципы: 1) «приближение промышленности к источникам сырья и районам потребления в целях ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок; 2) обеспечение комплексного развития хозяйства в основных районах Союза и обеспечение основных экономических очагов страны максимальным количеством ресурсов на месте; 3) хозяйственный и культурный подъем ранее отсталых национальных республик и областей; 4) наиболее рациональное использование природных условий и ресурсов отдельных частей страны и всей страны в целом; 5) устранение исторически сложившейся противоположности между городом и селом; 6) обеспечение максимальной оборотоспособности СССР» [6. С. 106].

В этих принципах отражались нерешенные задачи царской России – слабость транспортной системы и невозможность ее быстрого развития, отсутствие дублирующих центров тяжелой промышленности и энергетики, социальное неравенство, нелояльность национальных окраин, обусловленная их бедностью, отсутствие идеологии, способной сплотить многонациональный народ.

В планах как ГОЭЛРО, так и пятилетних, ставших с 1928 г. безальтернативным инструментом развития государства, предусматривалось масштабное перемещение промышленности в восточные регионы, ликвидация неравенства во всех областях общественной и хозяйственной жизни путем ускоренного развития национальных окраин.

Линия на ускоренное развитие и «равномерное размещение производительных сил» критиковалась рядом ученых и управленцев, которые полагали, что при размещении новых производств и расширении уже имеющихся следует руководствоваться также и критериями экономической эффективности. Но таких специалистов считали вредителями, врагами народа [6. С. 112] и в конечном итоге подвергали политическим репрессиям.

В 1920-е годы произошло кардинальное изменение административно-территориального деления страны [7]. Но *главной операционной единицей планирования и размещения новых предприятий стали крупные экономические районы*, состоявшие из нескольких административно-территориальных единиц областного уровня или некрупных союзных республик. Их численность в разные годы менялась, но они всегда рассматривались как объект стратегического планирования [8. С. 62–65].

Сложившаяся к началу 1930-х годов политическая система СССР, именуемая «диктатурой пролетариата», позволяла конструировать географию экономики и межрегиональную интеграцию, исходя из ведущей роли СССР в мировом революционном процессе и связанных с этим угроз для государства.

Союзные республики, будучи в едином правовом поле СССР, с точки зрения социально-экономического развития находились в разном социальном времени – от преобладания аграрных форм экономики и общественной жизни в республиках Средней Азии до сравнительно развитых в промышленном отношении РСФСР, Украины и республик Прибалтики. В этих условиях централизация управления представлялась как важное преимущество, обеспечивающее справедливое развитие страны, ее единство и целостность.

Связь отраслевого и территориального подходов в планировании осуществлялась путем создания «территориально-производственных комплексов» (ТПК), в рамках которых, как полагали, можно было установить оптимальный баланс между специализацией и комплексностью экономики отдельных регионов, сэкономить на транспортных издержках и производственной кооперации. Но создание ТПК в новых районах требовало громадных единовременных затрат, покрываемых из бюджета, и высоких текущих издержек. Главный вопрос заключался в изыскании ресурсов, для чего в 1930–1950-е годы широко использовались репрессивная трудовая мобилизация через ГУЛАГ в рамках идеологии «диктатуры пролетариата» и ограничение потребления населения на уровне прожиточного минимума. С завершением сталинской эпохи СССР стал отходить от жестких методов «диктатуры пролетариата» и реализовывать марксистско-ленинскую идентичность по более мягкой формуле «соревнования двух систем»¹.

Пространственное развитие до распада СССР

Военные угрозы требовали многократного дублирования мощностей тяжелой и оборонной промышленности и размещения

их в глубинных ультраконтинентальных районах со сложными природно-климатическими условиями, не считаясь с громадными затратами. В том же направлении действовала топливно-сырьевая ориентация советского экспорта, поскольку главные природные богатства страны располагались в Урало-Поволжском районе и в Сибири.

Для поддержания платежного баланса в 1920–1940-е гг. была резко расширена добыча золота в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. За 1913–1940 гг. доля восточных регионов (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия) в добыче угля выросла с 11,6% до 35,5%, а выплавки стали – с 21,3% до 32,0% [4]. В 1940–1970-е гг. непрерывно росла нефтедобыча за счет освоения новых месторождений в Волжско-Уральском районе и в Западной Сибири, благодаря чему СССР стал крупнейшим в мире производителем и экспортером нефти. В 1940 г. в РСФСР было добыто 7 млн т нефти, в 1950 г. – 18 млн в 1960 г. – 119 млн в 1970 г. – 285 млн в 1980 г. – 547 млн т.

Благодаря форсированной индустриализации СССР вышел на второе место в мире по промышленному производству, в 1939–1940 гг. вернул утраченные в ходе революции территории. *Быстрое развитие промышленности обеспечивало как сдвиг экономики на восток, так и выравнивание республик по уровню социально-экономического развития.* Важным фактором перемещения промышленности на восток и юг стала эвакуация предприятий с территорий, захваченных немецкими войсками в 1941–1942 гг.

Рост производства и экспорта нефти, природного газа и другого минерального сырья позволил наращивать экспорт минерального сырья и создавать материальную основу для развития культуры, науки и образования, мировой системы социализма, поддержания ракетно-ядерного паритета с США.

К началу 1970 г. доля восточных регионов (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия) в валовой продукции промышленности достигла около 20% [9] против 8% в 1912 г.

Отражением индустриализации стала быстрая урбанизация. В 1926–1940 гг. ее лидерами были Казахстан, Туркменистан и РСФСР, в 1940–1976 гг. – Армения, РСФСР и Белоруссия, а в 1976–1991 гг. – Белоруссия, Молдавия и Украина (табл. 1).

¹ Для укрепления имиджа социалистической системы больше внимания стало уделяться благосостоянию населения. Для привлечения рабочей силы в удаленные регионы с тяжелыми природно-климатическими условиями начали использовать материальные стимулы: зарплатные надбавки, льготные нормы выработки пенсионного стажа, организовывать студенческие стройотряды и т.п.

Таблица 1. Динамика доли городского населения в республиках СССР в 1926–1991 гг., %

Республика	1926	1940	1959	1976	1991
СССР	18	33	48	61	66
РФ	17	34	52	68	74
Эстония	-	34	56	68	72
Латвия	-	35	56	66	71
Литва	-	23	39	57	69
Армения	19	28	50	64	68
Украина	19	34	46	60	67
Белоруссия	17	21	31	52	67
Казахстан	9	30	44	54	58
Грузия	22	31	42	51	56
Азербайджан	28	37	48	52	53
Молдавия	-	13	22	37	47
Туркменистан	14	35	46	49	45
Узбекистан	22	24	33	39	40
Киргизия	12	22	34	39	38
Таджикистан	10	19	33	37	31

Источники: [6, 7].

С урбанизацией было неразрывно связано сближение республик по уровню социально-экономического развития: в 1926 г. соотношение между максимальным и минимальным уровнями промышленного развития районов выражалось как 32:1, в 1962 г. – 4:1, а в 1968 г. – 1,8:1 [9. С. 94]. В 1965 г. различия республиками по уровню душевого производства валового общественного продукта составляли 2,5–3 раза, а по потреблению – менее 2 раз [10. С. 7–8]. Если до войны доля РСФСР в ВВП СССР составляла 72–73%, то с 1950 г. по 1990 г. она колебалась в пределах 61–62% [1].

Однако бурная урбанизация была некомплексной: явно преобладали промышленные функции при недостаточном развитии социальной и транспортной инфраструктуры, пренебрежении к состоянию городской среды, которые финансировались по остаточному принципу.

Экономическое единство страны цементировала межреспубликанская специализация в рамках ЕНХК и бюджетное перераспределение ресурсов в пользу отстающих республик. Важную роль в развитии ЕНХК играли масштабные трудовые миграции населения по оргнабору при соблюдении жесткого режима прописки. В осваиваемые восточные районы, а также

в крупные промышленные центры, испытывавшие с начала 1970-х гг. дефицит рабочей силы, направлялась низкоквалифицированная рабочая сила из республик Средней Азии и Закавказья, во встречном направлении вслед за индустриализацией этих республик следовала квалифицированная рабочая сила из индустриальных центров России и Украины.

С середины 1970-х гг. в среднеазиатских республиках темпы урбанизации либо замедлились, либо пошли вспять (см. табл. 1). Это стало отражением начавшегося застоя советской экономики. За 1929–1938 гг. доля СССР в мировом ВВП выросла с 7,5% до 8,6%. В 1950 г. она увеличилась до 11,1%, а в 1960 г. достигла максимальной доли в 14,5%. Далее она постепенно снижалась: 13,2% в 1970 г. и 11,7% в 1980 г. [1]. Иными словами, через 50 лет после революции догоняющее развитие замедлилось и отставание СССР от ведущих стран мира стало увеличиваться.

Темпы индустриализации в республиках Средней Азии не поспевали за ростом населения в сельской местности. Отчасти это было связано с направлением большей доли ресурсов на финансирование проектов освоения новых топливно-сырьевых ресурсов, строительство новых транспортных магистралей (БАМ), экспортных трубопроводов в страны СЭВ, с нараставшей гонкой вооружений.

В 1970–1980-х гг. руководство СССР сталкивалось с необходимостью одновременно модернизировать экономику, наращивать вложения в социальную сферу, продолжать экономический подъем отсталых и освоение новых территорий. Экономика СССР и стран СЭВ требовала все больше топлива и сырья. С началом социалистической экономической интеграции в развитии восточных регионов заметную роль стали играть кредиты стран СЭВ, оплачиваемые поставками топлива и сырья.

Активизация внешнеэкономических связей со странами СЭВ², а с начала 1970-х гг. и с развитыми капиталистическими странами,

² Политика СССР в отношении стран СЭВ определялась логикой биполярного мироустройства, геополитического соперничества и блокового противостояния. СССР готов был идти на громадные материальные издержки, ценою собственного растущего отставания, дабы выдержать предложенную странами Запада конкуренцию. К концу 1980-х годов в результате начавшегося в СССР экономического и политического кризиса и связанного с ним освобождения его партнеров по СЭВ и Варшавскому договору от советского политического влияния отпала необходимость платить за их политическую лояльность.

вступала в противоречие со сложившейся системой управления советской экономикой. В связи с растущим технологическим отставанием советской промышленности постоянно увеличивались расходы на импорт машин, материалов и технологий. Организация сотрудничества на основе координации народнохозяйственных планов стран СЭВ сталкивалась с сильными колебаниями мировой конъюнктуры и мировых цен, на основе которых определялся стоимостной объем обмениваемых товаров и услуг.

Замкнутая торгово-экономическая группировка, действовавшая на плановой основе, оказалась неэффективной в условиях разной динамики мировых цен на отдельные товарные группы в экспорте и импорте, поскольку сильно влияла на получаемые странами СЭВ доходы от взаимной торговли и национальные платежные балансы. Попытки адаптировать плановые системы к движениям мирового рынка привели отдельные страны СЭВ к усилению рыночной компоненты в управлении экономикой, что постепенно расшатывало плановые основы сотрудничества и плановую систему СССР.

Во второй половине 1980-х гг. произошло резкое ухудшение условий торговли, вызванное падением цен на нефть, газ и другое минеральное сырье, ростом дефицита платежного баланса, что заставляло прибегать к большим внешним заимствованиям под довольно высокие проценты. Возрастание долговой нагрузки на бюджет в условиях его обременения растущими военными расходами, поддержкой убыточных производств, большими затратами на поддержку мировой социалистической системы замедлило развитие восточных регионов, пошли вспять процессы выравнивания уровней социально-экономического развития. В 1990 г. доля СССР в мировом ВВП по ППС сократилась до уровня 1913 г. – 9,2% [1].

Усиление межреспубликанских различий в уровнях социально-экономического развития отражает разная динамика урбанизации в 1976–1991 гг. (см. табл. 1). Нерешенность задач выравнивания уровней развития союзных республик отражают большие различия по доле малообеспеченного населения в 1989 г. (см. табл. 2). В Таджикистане около половины населения из-за многодетности жило ниже границы малообеспеченности (фактически

бедности)³, а в республиках Прибалтики эта доля составляла 1% и менее. Около четверти и более населения других республик Средней Азии и Азербайджана имело денежные доходы на душу населения ниже 75 руб.

Таблица 2. **Некоторые социальные показатели союзных республик в 1989 г.**

Республика	Доля населения с ежемесячным доходом ниже 75 руб. *, %	Среднемесячная денежная зарплата рабочих и служащих, руб.	Естественный прирост населения, чел. на 1000 чел. населения
Таджикистан	45,1	206,9	32,6
Узбекистан	34,1	215,4	27,6
Азербайджан	29,7	194,6	20,2
Туркменистан	26,9	243,7	27,2
Кыргызстан	24,8	219,2	22,3
Казахстан	10,0	265,4	14,0
Грузия	6,5	214,0	8,6
Молдавия	6,1	233,0	8,0
Армения	5,4	241,3	7,4
Россия	3,2	296,8	2,2
Украина	2,7	248,4	0,6
Белоруссия	1,5	264,5	3,2
Литва	1,2	283,3	4,6
Латвия	0,9	290,9	1,1
Эстония	0,6	340,7	1,8
СССР	7,7	274,6	6,5

Источник: [11. С. 115].

*С 1985 г. границей малообеспеченности в СССР был среднедушевой месячный доход в 75 руб.

Объявленные с приходом к власти М.С. Горбачева «гласность» и «перестройка» фактически свидетельствовали о необходимости пересмотра идентичности государства. Идеологизированная экономика оказалась несостоятельной в условиях начавшейся глобализации. Либерализация политического и экономического режима с 1987 г. вызвала появление зачатков рыночной экономики, что в условиях кризиса плановой системы ускорило рост товарного и платежного дефицита, привело к дезорганизации межреспубликанских связей, сокращению

³ На самом деле существенно больше, поскольку уровень малообеспеченности из-за инфляции заметно превысил 75 руб.

бюджетных перераспределений в пользу экономически слабых республик, заметно усилило власть республиканских партийно-административных властей.

По мере ухудшения социально-экономического положения республиканскими элитами все острее осознавалась неэффективность сконструированной союзной властью региональной (республиканской) экономики, искусственность ее специализации, которая определялась в условиях закрытости страны, дефицитного характера командно-административной модели управления, преобладания соображений военно-стратегического характера. Ситуацию усугубляло обострение межэтнических проблем, обусловленных как исторически, так и межреспубликанскими трудовыми миграциями. Республиканские элиты в те годы активно обсуждали проблемы «регионального хозрасчета», «кто за чей счет живет», «как ограничить власть Москвы» и т.д. Они ожидали существенного экономического выигрыша от расширения своих прав и компетенций в экономической сфере, перехода к более эквивалентным (в том числе и на основе мировых цен) межреспубликанским торговым связям, отказа от навязанной центром специализации [12. С. 24]. В это время вскрылись большие различия между союзными республиками в подходах и моделях реформирования экономики. Объявление в июне 1990 г. независимости РСФСР сделало распад СССР неизбежным.

Распад СССР, меняющаяся идентичность и ее отражение в пространственном развитии России

Распад СССР был вызван совокупным действием многих причин. Они отчасти схожи с теми, которые разрушили царскую Россию: структурные диспропорции в экономике, нарушение баланса между доходами и расходами государства, обострение противоречий между центром и республиками, внутриэлитные разногласия по поводу реформирования государства, желание ряда республиканских элит добиваться независимости, обострение исторических межнациональных конфликтов. Ослабляли государство и противоречия с партнерами по СЭВ.

Распад СССР и обратная трансформация в рынок по масштабам явления, геополитическим и экономическим последствиям вполне сопоставимы с революцией 1917 г. Но происшедшие

события предпочитают именовать «геополитической катастрофой», а не революционным переворотом.

Тогдашние власти РСФСР полагали, что установление суверенитета над получаемыми в республике доходами позволит быстро решить накопившиеся социально-экономические проблемы. Они рассчитывали на быстрый переход к рынку и вхождение в евроатлантическое сообщество развитых государств в качестве полноправного члена.

Рыночная трансформация началась в 1992 г. по «шоковому варианту» либеральных рецептов Вашингтонского консенсуса. Но сложение шоков от распада СССР и рыночной трансформации критически ослабило способность новой российской власти выполнять свои управленческие функции. Трудности обратного перехода к рынку после 74 лет командно-административной экономики были недооценены. Отказ от расходов на содержание союзных республик в условиях трансформационного спада не смог компенсировать потерь от резкого свертывания связей с новыми независимыми государствами.

Отсутствие реальных финансовых возможностей проводить какую-либо политику экономического развития заставило центральные власти пойти на передачу значительной части финансовых ресурсов и многих полномочий на региональный уровень. *Ни о какой стратегии пространственного развития новой России в первой половине 1990-х гг. не могло идти и речи.* Особенно сильно трансформационные шоки затронули восточные регионы и моногорода. Стремительный рост транспортных и энергетических тарифов сделал убыточными многие производства. Ускорилось сокращение населения, сильнее проявившееся в восточных регионах [13. С. 42–46].

В начале 1990-х годов новая Россия вполне могла повторить судьбу СССР. В ряде национальных регионов страны началась борьба за государственный суверенитет. Однако весной 1992 г. был подписан Федеративный договор, который стал юридической основой федеративного устройства РФ. В сложных условиях чеченской войны, «особой» позиции Татарстана, острого конфликта внутри федеральной элиты в конце 1993 г. удалось принять новую Конституцию РФ, разграничившую полномочия между федеральным Центром и субъектами Федерации. *Но по существу это была не подлинная федерализация, а хаотическая децентрализация,*

своего рода компенсация центральной власти регионам за то, что она не могла в полной мере выполнять свои функции.

Привнесение федерализма в государственно-управленческую практику России произошло на волне либерализма и демократизации, но без учета состояния российской экономики и унаследованного от планового хозяйствования состояния российского пространства. В целом от передачи широких властных полномочий в субъекты РФ выиграли сильные регионы, о чем свидетельствует рост в 1990-е гг. регионального диспаритета. Но это был результат действия не конкуренции, а неравных условий, в которых оказались субъекты Федерации в ходе рыночной и геополитической трансформации [14. С. 97–102].

Политика России в отношении стран СНГ в 1990-е гг. определялась, с одной стороны, тяжелым социально-экономическим положением, внутренней политической нестабильностью, крайней слабостью государственных финансов, а с другой – нежеланием давать повод Западу упрекать себя в стремлении воссоздать в какой-то форме СССР. Этого также хотели избежать и другие постсоветские страны. Поэтому политика была импульсивной, рассчитанной на то, что совместное прошлое само по себе обеспечит скорую реинтеграцию.

Интеграционные проекты первого поколения (СНГ, Таможенный союз, Союзное государство) продвигались в условиях становления государственности и сильнее экономического спада и поэтому в основном рассматривались как механизмы смягчения социальных и экономических последствий распада единой страны. В целом же в результате распада и трансформационного спада доля стран бывшего СССР в мировом ВВП в 2000 г. составила 3,8%, а РФ – 2,1% [1].

К концу 1990-х гг. у руководства России возникло понимание того, что в евроатлантическом клубе избранных ее трактуют как сторону, проигравшую в «холодной» войне, а не как равного партнера. Идентичность на основе либеральной рыночной экономики и евроатлантических ценностей превращает страну в объект международной политики и создает большие риски ее дальнейшего существования.

При Президенте В. Путине начинает формироваться новая идентичность России как одного из центров полицентричного мироустройства, как равного ведущим странам Запада «центра

силы», как государства «суверенной демократии». В этом контексте постсоветское пространство рассматривается Россией как зона ее особых интересов, что вызвало резкое неприятие Запада, усматривающего в этом ее «имперские амбиции». *По сути дела, речь идет о борьбе Запада и России за постсоветское пространство*, в которой сталкиваются исторические интересы России и стремление Запада геополитически и экономически закрепить свою победу в «холодной войне».

В начале 2000-х гг. Россия активизирует политику в отношении «ближнего зарубежья» с целью восстановления экономических, политических и социальных связей с новыми государствами и укрепления своей лидирующей роли. Но это в конечном итоге вызвало раскол постсоветского пространства на страны европейской ориентации (Грузия, Молдова и Украина), евразийской интеграции (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия) и группу стран СНГ, воздерживающихся от глубокой интеграции (Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан).

В начале 2000-х гг. началась работа по восстановлению «вертикали власти» и созданию механизмов управления российским пространством в условиях рыночной трансформации. Среди экономических причин рецентрализации можно назвать рост регионального диспаритета, кризис неплатежей, региональный протекционизм, противоречия между центром и регионами по поводу финансовых и производственных активов. С началом децентрализации управления стала усиливаться фрагментация российского рынка (фактически дезинтеграция пространства), вносящая свой вклад в ослабление российской экономики и формирование ее бюджета.

Децентрализация была также по формирующемуся крупному бизнесу, который хотел беспрепятственно приобретать активы, находящиеся в регионах. К восстановлению централизации управления подталкивала структура российского экспорта, в которой резко преобладали топливно-сырьевые товары. Бизнес-элиты, приближенные к власти, стремились к свободе рук в освоении ресурсов и их экспорте. Тем более что в начале нулевых годов намечился рост цен на нефть и сырье – главный источник доходов страны на внешних рынках. В этом интересы крупного бизнеса и федеральной власти совпали. Запрос на усиление центральной власти шел также от руководства экономически слабых субъектов

РФ, которым требовалась финансовая поддержка из федерального бюджета. Страна также нуждалась в осмысленной региональной политике, отражающей изменения в мире, в ближнем зарубежье и российской внешней политике.

За годы формирования новой идентичности России (2005–2017) произошел ряд взаимосвязанных событий: превращение Китая в главного экономического и политического партнера России, учреждение ЕАЭС, полный разлад отношений с прозападной Украиной, присоединение Крыма, острый геополитический конфликт с Западом, осуществление Программы развития Дальнего Востока, Забайкалья и Российского Севера, ускоренное развитие дальневосточного вектора экспорта углеводородов и ослабление европоцентричности внешнеторговых связей России.

* * *

Изменения идентичности государства с 1917 г. преследовали в конечном счете глобальную задачу преодоления отставания от Запада. В своем догоняющем развитии Россия могла рассчитывать в основном на свои силы. Чрезмерные затраты по освоению новых ресурсов и более равномерному размещению хозяйства требовали мобилизации государственных усилий и больших жертв от населения. Сырьевой сектор во все времена позволял аккумулировать средств на развитие. Но, как показывает 100-летний опыт, **экстенсивное развитие в условиях изоляции от развитой части мира не может стать надежной основой развития**. Совокупная доля постсоветских государств в мировом ВВП по ППС, по данным Мирового банка, сегодня существенно меньше, чем у царской России (4,8%). Заметно меньше она и у России – 3,1%.

Обращает на себя внимание, что смена идентичности, за исключением периода 1992–1999 гг., неизбежно приводила к сохранению противоречий с Западом, поскольку предполагала усиление государства, сохранение его как субъекта мировой политики. Нынешняя идентичность формируется в рамках системы глобального капитализма, но на основе сохранения суверенитета и права исповедовать традиционные для постсоветской Евразии ценности [15].

За минувшие 100 лет были опробованы разные модели управления пространством. Социалистический эксперимент привел к распаду СССР. В рыночных условиях в РФ возродилось

характерное для царской России громадное социальное и межрегиональное неравенство. В экономике, так же как и 100 лет назад, резко преобладают столичные регионы. У РФ сохраняется заметное отставание по развитию экономики от ведущих стран, а в экспорте преобладает продукция с невысокой добавленной стоимостью. Сегодня она находится под санкциями Запада и борется за равенство в отношениях с ним.

За столетие не удалось преодолеть европоцентризм пространства России. Но сегодня у нее есть довольно развитые внутриматериковые районы и города. Построен ряд транспортных путей мирового значения, связующих европейскую и тихоокеанскую Россию. У страны сегодня нет аграрного перенаселения, но есть серьезные проблемы в виде дефицита человеческого капитала в количественном и качественном отношении. В рамках новой идентичности Россия проводит многовекторную внешнюю политику и для ее подкрепления прилагает усилия по ускоренному развитию Дальнего Востока.

Что же нужно делать? Полагаю, что главные рецепты известны. Во-первых, не следует кардинально и быстро менять идентичность государства. Во-вторых, последовательно осуществлять многовекторную внешнюю политику. В-третьих, своевременно проводить реформы, отвечающие требованиям технологического развития, безопасности, гражданских прав и свобод, сбалансированного пространственного развития. В-четвертых, теснее увязывать пространственное развитие России с проектами международного регионального сотрудничества в рамках ЕАЭС, СНГ, ШОС, «Один пояс – один путь», «Большая Евразия». В-пятых, целенаправленно создавать сеть скоростных широтных транспортных коридоров от Тихого океана до Атлантики и меридиональных – от Северного Ледовитого до Индийского океанов, способных «сжать» евразийское пространство, сделать его более доступным и доходным с точки зрения отдачи капитала. В-шестых, создавать условия территориальным социумам для поиска путей и ресурсов решения проблем развития своих территорий. В этом смысле неизбежная в настоящее время высокая централизация власти должна сочетаться с поддержкой региональных и местных инициатив по развитию экономики.

Литература

1. Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. Ред. И. С. Королева. ИМЭМО РАН.– М.: Изд. «Юристь». 2003.
2. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Изб. пр.Т. 1. Ред. В. В. Адоратского, А. И. Криницкого, М. Н. Покровского и др. Партиздат ЦК ВКП (Б), 1935. С. 128–129; 178–182.
3. Ионичев В. П. Внешние экономические связи России (IX - начало XX века).– М.: Аспект Пресс.– 2001.
4. Пробст А. Е. Вопросы размещения социалистической промышленности.– М.: Наука, 1971. С. 260–261; 266.
5. Ленин В. И. Аграрный вопрос России к концу XIX века. Изб. пр. Т. 1. Ред. В. В. Адоратского, А. И. Криницкого, М. Н. Покровского и др. Партиздат ЦК ВКП (Б), 1935.
6. Экономическая география СССР. Ред. С. С. Бальзак, В. Ф. Васютин, Я. Г. Фейгин.– М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1940.
7. Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР.– М.: Высшая школа, 1973.
8. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. Институт экономических исследований. ДО РАН.– М.: Экономика, 2006.
9. Телепко Л. Н. Уровни экономического развития районов СССР.– М.: Экономика, 1971.
10. Гранберг А. Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства.– М.: Экономика, 1973.
11. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Госкомстат.– М.: Финансы и статистика, 1991.
12. Гранберг А., Суслов В. Межреспубликанские экономические отношения накануне распада СССР. Региональное развитие и сотрудничество.– М., 1997.
13. Стратегия для России: новое освоение Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1. Ред. В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. Совет по внешней и оборонной политике.– М., 2001.
14. Вардомский Л. Б. Федеративные отношения и проблемы пространства России. К новой модели российского федерализма. Ред. А. Захаров, О. Здравомыслова, А. Рябов. Горбачев-Фонд.– М.: Весь Мир. 2013.
15. Кузнецов А. В. Судьба англосаксонского глобализма // Мир перемен.– 2015.– № 3.– С. 146–148.